

Олеся Сурикова

К изучению языкового мира русских причитаний: категория «лишительности» и ее воплощение в тексте

В статье идет речь о базовой для русских обрядовых причитаний категории лишительности, формирующейся на основе идеи лишения, отсутствия / недостачи чего-либо, которая имеет концептуальную значимость для жанра, формирует мотивную структуру плачей и выражается лексико-семантическими средствами. Наиболее прямым и продуктивным способом ее языкового воплощения являются словообразовательные каритивы — слова и сочетания с предлогом и приставкой *без*, обозначающие недостачу, нехватку, отсутствие чего-либо. Больше всего *без*-конструкций в рекрутской причети, а наименьшее их количество зафиксировано в свадебных плачах. В статье показано, что эта разница неслучайна и объясняется с позиций лингвопрагматики. С одной стороны, она связана с особенностями обрядов и восприятием их участниками. С другой стороны, имеют значение место плача (вербального кода) в структуре ритуала и особенности организации системы персонажей в том или ином функциональном типе причети.

Ключевые слова: лингвофольклористика, прагматика фольклора, язык фольклора, русские обрядовые причитания, предлог и приставка *без*.

Основные функциональные типы русских обрядовых причитаний — похоронно-поминальные, рекрутские и свадебные — имеют, как известно, ряд существенных различий: на уровне поэтики, референтной ситуации и фабулы, набора персонажей и ролей и пр. Но связаны они и общими чертами, одна из которых — семантико-прагматическая доминанта лишительности — идея лишения, отсутствия / недостачи чего-либо, которая имеет концептуальную значимость для жанра, формирует мотивную структуру текста и выражается лексико-семантическими средствами.

Существенность идеи лишения в концептуальном плане заключается в том, что она лежит в основе оппозиции, центральной для причети как для вербальной составляющей переходных обрядов. Это противопоставление идиллического прошлого, которое характеризуется социальной, материальной, онтологической, космогонической стабильностью, полнотой и упорядоченностью, трагическому будущему, связанному с потерей и утратой: члена семьи в похоронных причитаниях, мужчины-кормильца в рекрутских плачах, воли-красоты

Олеся Дмитриевна Сурикова
Уральский федеральный
университет,
Екатеринбург
surok62@mail.ru

в свадебной причети. Утрата приводит прежде всего к изменению социального статуса: жена становится вдовой, муж — вдовцом, дети — сиротами, крестьянин — солдатом, а девушка — женщиной и женой, — и причеть сконцентрирована на этом переходе. Ср. некоторые контексты — примеры того, как осмысляется будущее в новой социальной роли:

- вдовство: *И мне-ка жизнь, бедной горящице, сиротская, / И без своей да без надежной мне головушки, / И мне куды, бедной горяше, подеватися? / И я от бережка, горяша, откачулася, / Я ко другому, несчастна, не прикачулася / <...> / И у меня да у победной у горящицы / И без угару болит буйная головушка / Ой, в несчастном, горегорьком живленьице* [Барсов 1872 II: 151–152];
- сиротство: *Ой тошнешенько, безо родимого батюшка, / Ой, тошнешенько, да будут детоньки изобижены, / Ой тошнешенько, да от сусед, от суседушок, / Ой тошнешенько, да от суседных-то детонёк!* [Ефименкова 1980: 134];
- солдатчина: *И как ты сойдешь-то во службу государеву <...> И ты потыченья, победной, наувидишься, / И ты поушенья, несчастной, напримаешься, / И тут избита-то несчастна будет спинушка, / Всё подбиты будут ясны твои очушки, / Исколочена несчастна буде голова, / Как подсвечены ведь резвы будут ноженьки, / И придосажено ретливое сердечушко, / И приближена несчастная утробушка* [Барсов 1872 II: 36];
- замужество: *Три цветочка лазуря, ой, / Как первой-от цвет лазуря, дак / Он без ветру шатаеццё! Да / Как второй-от цвет лазуря, дак / Он без бури-то валитце! Да / Как третьей-от цвет лазуря, дак / Он посох-то без солнышка! Да / Это я-то, молодешенька, я / На чужой-то на стороне, я / У чужого-то чуженина!* [Ефименкова 1980: 254–255].

Семантико-прагматическая доминанта лишительности находит воплощение на собственно текстовом уровне: ее **семантическая** составляющая формируется за счет описания и перечисления социальных, имущественных и психологических потерь лиминальных субъектов (вдовы, сироты, рекрута, невесты). Так, характеристика сиротской участи в причети представляет собой развитие нескольких основных тем: «скидание по чужим улушкам», «отсутствие работника», «отсутствие заступника», «отсутствие наставника» и т.д. [Гарасова 1972: 14]. Ср. типичные контексты:

- *Как послы тебя, любимая семеюшка / Все решились у нас улички рядовыя, / Раззорились наши лавочки торговыя, / Придер-*

жалась золота казна бесчетная, / Прискудалася крестьянска наша жирушка [Барсов 1872 I: 184];

- *Не-как ростить-то сиротных мне-ка детушек: / Будут по миру оны да ведь скитатися, / По подоконью оны да столыпаться; / Будет улочка — ходить да не широкая, / Путь-дорожничка вот им да не торпешенька; / Без своего родителя, без батюшка / Приизвиются-то буйны на них ветрушки, / И набаются-то добры про них людюшки, / Што ведь вольные дети безуненныи, / Не храбры да сыновья растут безотнии* [Барсов 1872 I: 1–2].

Прагматическая составляющая доминанты лишительности (это касается в первую очередь причети похоронной и рекрутской) — причина, по которой плачя подробно рассказывает о переживаемых и ожидаемых в будущем страданиях и потерях, — имеет, по всей видимости, двойственную природу.

С одной стороны, в причитаниях запускается *механизм психологической компенсации*: проговаривание и выплакивание горя — способ его пережить (ср. у А.К. Байбурина — вслед за Дюркгеймом — про психотерапевтический эффект ритуала: [Байбурин 1993: 32]); ср. приведенное С.Б. Адоньевой свидетельство плакальщицы: «Вот выходили — я свету белого не видела, ни людей, никого. Жалость мучит, горё. Меня под руки ведут, а я причитаю. <А когда причитаешь легче?> Со слезами уходят какие-то яды вредные из организма» [Адоньева 2004: 203] или слова вологодской информантки: «Как причитала? Никто не учил. Горе учит. Не я реву, горе ревьёт, сами выливаются слова-те. Вспоминаю, как было, как стало. Как я без тебя жить буду. Без тебя, без радости, без воли прежней. Много лишенья, карованья, это собирают и в причитание кладут» [КСГРС]¹.

С другой стороны, причитания имеют *социальные функции*. Так, С.Б. Адоньева считает похоронный обряд и, в частности, его вербальную составляющую «посвящением в сиротство», когда описываемые плакальщицей подробности несчастий понимаются как индивидуальный (и в то же время общий) опыт

¹ О психотерапевтической функции причети, когда «не я реву, горе ревьёт», свидетельствуют также знакомые всякому собирателю отказы информантов исполнять плач «без повода», вне реального ритуального контекста. Такие отказы мотивируются, как правило, не запретами, но отсутствием «настроия», невозможностью причитать отвлеченно, не переживая настоящее горе (или не будучи ему сопричастным, ср. свидетельство плачеи: «Придешь [на похороны], человек ревьёт, дак к этому человеку приспособисся и всё к ёму так и приклиниваёшь, приклиниваёшь своё горё» [КСГРС]). Тесную связь причитания и индивидуальных трагических обстоятельств подтверждают многочисленные случаи, когда информанты, согласившиеся спеть причёт, «примеряют» его на конкретную ситуацию, пережитую ими в прошлом, и «оживляют» горе, нередко дословно повторяя плач, исполнявшийся на похоронах мужа или матери, и впадая в соответствующее тяжелое психологическое состояние.

сиротства, который надлежит передать — или о принятии которого следует возвестить (см.: [Адоньева 2004: 227–228]). Вероятно, такую трактовку прагматики плачей можно применить и в отношении рекрутской причеты: в ходе рекрутского обряда тоже осуществляется посвящение в сиротство, причем сиротеет не только семья солдата, но и он сам, — отсюда лamentsции от имени рекрута и предсказания его тяжелого будущего плачелей.

Значимая концептуально и эксплицируемая в ряде основных тем и мотивов, доминанта лишительности требует особых языковых средств выражения. Наиболее продуктивный из них — словообразовательные каритивы — слова и конструкции с приставкой и предлогом *без*, «выражающие значение недостачи, нехватки, отсутствия чего-либо» (см.: [Толстая 2008: 50; 83]). Они характеризуются высокой частотностью в текстах плачей: в корпусе причитаний, собранных Е.В. Барсовым, Б.Б. Ефименковой и Т.И. Калужниковой, нам удалось обнаружить 1260 лексем и предложно-падежных конструкций, содержащих *без*, которые указывают на отсутствие 153 разных объектов и явлений и называют как основные, так и периферийные для причеты концепты.

К наиболее существенным для плачей концептуальным линиям, представленным *без*-конструкциями, относятся:

- сиротство, отсутствие членов семьи (*безотный, безматерный, безмужный, безбратный, бездетный, безродный* и др.);
- отсутствие дома, приюта (*бесприютный, бездомовый, безгнездый, беспоместный* и др.);
- отсутствие нравственной, социальной регуляции поведения (*безугрознаца* ‘своевольные, своенравные дети, не боящиеся предостережений, угроз’ [СРНГ, 2: 200], *безначальный*¹, *безуненный* ‘шаловливый’ [СРНГ, 2: 201, 202], *без надзора* и др.).

Часто сочетания с *без* являются негативными характеристиками человека: *безумный, бесчестный, бессовестный, безмилосердный* и пр. Кроме того, *без* в причеты используется для указания на отсутствие того или иного компонента ситуации или элемента целого (похороны *без попа, без дьякону, без кадила, без ладану, без петья церковного, без главы колокольного*; туча *без дождя и без молвии* и др.). Среди всего разнообразия словообразовательных каритивов, функционирующих в составе плачей, особенно выделяются два слова — *бессчастный* и *бессчастье*,

¹ Ср. литер. *безначалие* ‘отсутствие власти, руководства; анархия, беспорядок, произвол’.

которые встречаются в проанализированных текстах 674 раза (это больше половины всех случаев употребления конструкций с *без*) и могут быть признаны ключевыми для похоронно-поминального и рекрутского типов причети (в силу смысловой нагруженности, жанровой значимости, словообразовательных возможностей, широких и разветвленных синтагматических и парадигматических связей и пр.).

Несмотря на то что *без*-конструкции в целом востребованы причитаниями, существуют серьезные различия в частотности словообразовательных каритивов в текстах разных функциональных типов плачей. Показательно в этом отношении собрание плачей Е.В. Барсова, которое состоит из трех примерно равновеликих томов — «Причитанья похоронные, надгробные и надмогильные» (общее количество лексем в корпусе текстов с учетом служебных слов — 45 472), «Плачи завоенные, рекрутские и солдатские» (54 535 слов) и «Плачи свадебные, гостибные, баенные и предвенечные» (55 939 лексем). В первом томе, в похоронно-поминальных причитаниях, предлог и приставка *без* встречаются 310 раз, во втором томе — в рекрутской причети — 727 раз, в третьем томе, в свадебных плачах, — 154 раза. Таким образом, лексемы и сочетания, содержащие *без*, имеют наибольшую распространенность в рекрутских причитаниях, затем следует похоронно-поминальная причеть, а в свадебных плачах *без* появляется реже всего (общее количество случаев употребления *без*-конструкций в [Барсов 1872 I–II; 1885; Ефименкова 1980; Калужникова 2013] — 731, 350 и 179 употр. соответственно; см. табл. 1).

Таблица 1

Число *без*-конструкций в текстах разных типов причитаний

Функциональный тип причитания	Общее количество лексем в [Барсов 1872 I–II; 1885] (с учетом служебных слов)	Количество случаев употребления лексем и сочетаний с приставкой и предлогом <i>без</i> в [Барсов 1872 I–II; 1885]	Количество случаев употребления <i>без</i> -конструкций в [Барсов 1872 I–II; 1885; Ефименкова 1980; Калужникова 2013]
Рекрутские плачи	54 535	727	731
Похоронно-поминальные плачи	45 472	310	350
Свадебные плачи	55 939	154	179

Приведенные цифры весьма интересны и требуют комментариев. Представляется, что причины такого статистического разрыва следует искать, с одной стороны, в особенностях обрядов, которые сопровождают плачи, а с другой — в поэтике

самих текстов¹. При этом рекрутскую и свадебную причету (как вербальную составляющую «срединных» обрядов, см.: [Байбурин, Левинтон 1990: 74]) мы будем сравнивать с похоронной (элементом «крайнего» обряда).

Начнем с причети свадебной в сравнении с похоронно-поминальной. Фольклористами и этнографами неоднократно отмечались многочисленные «переключки» между свадьбой и похоронами как на уровне структуры ритуала, так и на уровне вербального сопровождения обрядов (см. об этом хотя бы: [Байбурин, Левинтон 1990; Еремина 1991: 83–120; Седакова 1983: 246–261]). Лиминальный статус невесты и ожидающие ее в будущем тяготы, связанные с обретением нового статуса и переходом в новый микросоциум (семью и даже деревню), «провоцируют» сравнение невесты с покойником, а свадьбы с похоронами. Однако при всем сходстве (и даже, вероятно, генетической связи) обрядов (их отдельных элементов и структуры), а также системы образов и мотивов, присущей оформляющим их причитаниям, отождествлять свадьбу и похороны, разумеется, невозможно. Элементы свадебной обрядности и свадебная причету — это всегда только метафора смерти и похорон. Свадебный плач повествует о символической (а не реальной) смерти, эта условность осознается участниками ритуала и исполнителями причети, что, вероятно, влияет — пусть безотчетно — на выбор номинаций, составляющих текст. Полученные нами языковые данные (небольшое число *без*-конструкций в свадебных плачах) можно рассматривать как свидетельство того, что свадебная причету мало нуждается в выразителях лишительности².

¹ Обусловленность появления предлога и приставки *без* в фольклорных произведениях причинами лингвопрагматического порядка подтверждается, с одной стороны, характером их функционирования в языковой системе, с другой — особенностями бытования в фольклоре. Предлог и приставка *без* — не только исконные (**bez*(ь) относится к праславянскому фонду, см.: [ЭССЯ, 2: 7–13]), но и высокочастотные единицы, не связанные дискурсивными ограничениями. При этом в текстах разных фольклорных жанров *без*-конструкции возникают неравномерно: так, они активно используются в загадках, заговорах, пословицах и поговорках, редко употребляются в былинах и практически отсутствуют в частушках и духовных стихах.

² Показательно обращение к другому «индикатору» — автохарактеристикам исполнительницы плачей. В причети похоронно-поминальной и рекрутской такие самоименования многочисленны и разнообразны и чаще всего представляют собой каритивы — семантические или словообразовательные; ср., например, некоторые автономинимации вдовы и сироты, приводимые в: [Толстая 2012; Никитина 2009: 288]: (*бедная, победная*) *горюшца, горюша (сирота, вдова, кокоша) горегорькая, победная (печальная, бедная, обидная, беспоранная) головушка, победнушка, вдова (горюша, сирота) бесприютная, сирота-вдова несчастная, печальная горюшца, кокушица серая, позяблая семяничка, недорослая травонька, недоцветелый цветик* и мн. др. Автохарактеристики невесты, извлеченные нами из корпуса текстов, который представлен в [Ефименкова 1980], напротив, редко каритивны, чаще — семантически нейтральны и принадлежат скорее словарю любовно-брачных фольклорных жанров, чем словарию плача. Ср. примеры: *девица, душа красная девица, девочка, молодёшенька / молодёхонька / молода, невестушка, подружка бывшая, белая лебедь* (символ женского начала в любовно-брачном контексте, типичный для северно-русских свадебных песен; ср. здесь ярко антитетичный символ вдовства — кукушку, которая часто фигурирует в причети

Однако как это возможно — чтобы семантико-прагматическая доминанта жанра (в случае со свадебной причетью формируемая центральной оппозицией — прощанием с волей-красотой — и уподоблением невесты покойнику, а свадьбы — похоронам) практически не требовала лексической репрезентации? По всей видимости, дело в том, что лишительность в свадебных причитаниях — это априорная, предзаданная традицией схема, своего рода мифопоэтический «остов» текста, представленный на уровне «общей идеи», но редко реализуемый конкретными языковыми средствами (как номинативный механизм, обеспечивающий выбор «строительного материала» текста). Для свадебной причети характерна скорее квазилишительность, которая эксплицируется на уровне образности и символики, но в силу своей «ложности», условности слабо репрезентируется словообразовательными каритивами.

Обратимся теперь к причети рекрутской в ее сопоставлении с похоронно-поминальной и попытаемся установить, почему в воинских плачах предлог и приставка *без* употребляются вдвое чаще, чем в плачах похоронных, и в пять раз чаще, чем в свадебных.

Причин, по всей видимости, несколько. И первая из них заключается в особом характере рекрутчины — нового социального института¹, чуждого для традиционного крестьянского сообщества, которое лишено гражданской идентичности². Уход в армию, в отличие от «классических» обрядов жизненного цикла, имеющих четко осознаваемую «природную» необходимость, противоестественен. Тем не менее он — как очередная жизненная веха, знаменующая изменение статуса причастных ему членов социума (равно как рождение, свадьба, смерть), — подвергается символическому моделированию и оформлению — по аналогии с похоронами. Армия уподобляется «тому свету», а рекрут, как и невеста, отождествляется с покойником: он на долгие годы покидает «поле зрения» семьи и деревенского социума. При этом существенно, что, в отличие от покойника, примыкающего к категории «родителей»,

погребальной и рекрутской), *веселёшенька* (номинация, совершенно не представляемая для других функциональных типов плачей). Автоименования с негативной семантикой (*глупая-нерозумная девица, кручинная, горе-горькая, горюшица*) возникают нечасто и преимущественно в причети невесты-сироты, которая «по своим мотивам и функциям — вообще не свадебная причеть, а похоронная» [Байбурин, Левинтон 1990: 87].

¹ Воинская повинность была введена Петром I в начале XVIII в., тогда же возник обряд проводов в армию, см.: [Кормина 2005: 13].

² Ср.: «Проводы в армию — одна из целого ряда ситуаций в жизни деревни, связанных с проблематизацией социальной идентичности крестьянина. <...> В число тех сообществ, реальных или воображаемых, к которым себя относит рекрут (и — шире — крестьянин), не входит его страна, государство и т.п. — он не ощущает себя гражданином» [Кормина 2005: 261–262].

призывник приобретает размытый статус: он жив, но его нет, он физически отсутствует и не принимает участия в жизни семьи, деревни, прихода. Неясность статуса рекрута, возможность его гибели вдали от родного дома (а значит, вероятность, что он останется без «правильного» захоронения) приводят к тому, что уход в армию осмысляется как «неправильная» смерть, а рекрут может уподобляться «заложному» покойнику — как существо, оставшееся в лиминальном состоянии (см.: [Кормина 2005: 234, 237]). Неопределенным оказывается и положение семьи, из которой мужчина уходит в солдаты: жена его становится вдовой, но не настоящей, а «соломенной» — при живом муже. Неясность и неестественность «плана содержания» рекрутского обряда (пугающая размытость статуса всех его участников, неправильность «смерти рекрута») обуславливают необходимость усилить «план выражения» — «правильно» символически оформить рекрутчину, в первую очередь на уровне вербального кода¹. Поэтому маркеры лишительности особенно активно употребляются в воинских плачах — в соответствии с принципом «много лишения, карованья, это собирают и в причитание кладут», доведенным до максимума.

Вторая причина, в связи с которой лишительность воплощается в воинской причете ярче, чем в похоронных плачах, обусловлена соотношением вербального и собственно ритуального кодов обряда проводов в армию и связана с вытекающими из этого соотношения особенностями поэтики воинского плача. Рекрутский обряд в ритуальном плане намного «беднее» обрядов погребального и свадебного, поэтому текст причитания занимает в структуре ритуала куда более видное (или центральное) положение. Следовательно, рекрутский плач, «прерываемый» гораздо меньшим количеством ритуальных действий (сопровождающий гораздо меньшее их количество), способен физически длиться дольше. Это влияет на специфику организации текста: для рекрутской причеты характерно активнейшее использование фигуры амплификации — нанизывания, многочисленного повторения одних и тех же слов и конструкций, в частности — лексем и сочетаний с приставкой и предложением без. Ср., например: *Уж как я розбесчастной доброй молодец, / И бесталанная победная головушка, / И я в бессчастный день во середу засиян, / И в бесталанной день во пятницу вспорожен...* [Барсов 1872 II: 24–25]. Амплификация на всех уровнях свойственна жанру причитаний в целом, но нанизывание в похо-

¹ По наблюдениям Ж.В. Корминой, для рекрутской обрядности характерна заметная локальная вариативность, которая заключается «не только в предпочтении тех или иных обрядовых символов, но и в степени разработанности обряда вообще» [Кормина 2005: 64]: есть зоны, где ритуальный код рекрутского обряда отсутствует.

ронно-поминальной и свадебной причети — текстах менее объемных и менее протяженных во времени — встречается реже.

Наконец, третья причина связана с особенностями организации рекрутского причитания как функционального типа причетного жанра. Речь идет о наборе персонажей — лиминальных субъектов, имеющих «право голоса» — возможность прямого высказывания. Как известно, в похоронно-поминальных плачах прямая речь покойника отсутствует. В рекрутских же причитаниях «говорят» все лиминальные субъекты: и члены семьи призывника (жена, мать, сестра), и сам солдат (хотя, разумеется, за последнего вопит плачей). При этом речи рекрута ламентации свойственны ничуть не в меньшей степени, чем речи «женских» персонажей; солдат оплакивает свою судьбу, потерю семьи, вольной жизни, имущества, ропщет на несправедливость и жестокость начальства и чиновников, жалеет жену и детей, используя огромное количество каритивов — в том числе и конструкций с предлогом и приставкой *без* (см. здесь хотя бы приведенный выше контекст — фрагмент прямой речи рекрута). Вместе с увеличением числа «говорящих» персонажей, претерпевающих лишения (а значит, и увеличением количества позиций, «точек зрения») возрастает число средств выражения каритивности.

Подведем итог. Разительные отличия в количестве словообразовательных каритивов, употребляющихся в текстах разных функциональных типов плачей, объясняются особенностями соответствующих обрядов, с одной стороны, и чертами поэтики самих текстов — с другой. Несомненна неслучайность возникновения в текстах причитаний слов и конструкций, содержащих «незаметный» и, на первый взгляд, малоинформативный для анализа жанровой специфики лексико-грамматический элемент — предлог и приставку *без*. Именно сочетания с *без* являются главным способом вербализации базовой для причитаний категории лишительности, имеющей прагматическую обусловленность, концептуальную значимость и формирующей мотивную структуру плачей.

Список сокращений

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург)

Источники

- [Барсов 1872] Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым. М.: Тип. «Соврем. Изв.», 1872. Ч. 1–2.
- [Барсов 1885] Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Т. 3: Плачи свадебные, гостибные, баенные и предвенечные //

Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете / Повременное издание под заведыванием Е.В. Барсова. М.: Университетская типография (М. Катков), 1885. Кн. 3. С. 1–160; Кн. 4. С. 161–256.

Ефименкова Б.Б. Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшенги (Вологодская область). М.: Советский композитор, 1980. 392 с.

[*Калужникова*] Причитания и песни традиционной уральской свадьбы: исследование, тексты, аудиоприложение / Изд. подготовлено Т.И. Калужниковой. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2013. 762 с.

[СРНГ] Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965—. Вып. 1—.

[ЭССЯ] Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1974—. Вып. 1—.

Библиография

Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во СПбГУ; Амфора, 2004. 312 с.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 64–99.

Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. 207 с.

Кормина Ж.В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 376 с.

Никитина С.Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). М.: Институт языкознания РАН, 2009. 353 с.

Седакова О.А. Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник. М.: Наука, 1983. С. 246–262.

Тарасова Е. О смоленских причитаниях // Материалы XXVII научной студенческой конференции. Т. 1: Литературоведение. Лингвистика. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1972. С. 14.

Толстая С.М. Семантическая модель каритивности // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 50–98.

Толстая С.М. Заметки о языке северно-русских причитаний // Язык и прошлое народа. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. С. 464–475.

On Studying the Linguistic World of Russian Lamentations: The “Deprivation” Category and Its Text Implementation

Olesya Surikova

Ural Federal University
51 Lenin str., Ekaterinburg, Russia
surok62@mail.ru

This article considers the category of deprivation in Russian ritual lamentations which is based on the idea of privation, or lack / shortage of something. This idea is conceptually significant for the genre: it forms the lament’s motivic structure and is expressed by lexical-semantic means. The most direct and productive way to linguistically implement of the deprivation category is using word-formative caritives, or the words and word combinations using *bez*, which is a preposition and prefix meaning “without,” and expressing shortage or lack of something. In general, words and word combinations with *bez* have a high frequency in the laments, however, they occur to varying degrees in texts with different functional types of lamentations. The most *bez*-constructions are found in recruit lamentations, and the least are found in wedding laments. This article shows that these differences are not accidental and are explained from the standpoint of linguopragmatics. On the one hand, they are connected with the peculiarities of rites associated with lamentations. On the other hand, the specificity of lamentation texts are important, including the place of the lament (its verbal code) in the structure of the ritual, and the organisation of character system in a particular functional type of lamentation,

Keywords: linguofolkloristics, folklore pragmatics, folklore language, Russian ritual lamentations, preposition and prefix *bez* ‘without’.

References

- Adonyeva S. B., *Pragmatika folklor* [Pragmatics of Folklore]. St.Petersburg: St.Petersburg University Press; CJSC “Amphora”, 2004, 312 pp. (In Russian).
- Baiburin A. K., *Ritual v traditsionnoy kulture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavianskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture. A Structural-Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St.Petersburg: Nauka, 1993, 240 pp. (In Russian).
- Baiburin A. K., Levinton G. A., ‘Pokhorony i svadba’ [Funeral and Wedding Rituals], *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kultury. Pogrebalnyy obryad* [Research in Balto-Slavic Spiritual Culture. Funeral Ritual]. Moscow: Nauka, 1990, pp. 64–99. (In Russian).
- Eremina V. I., *Ritual i folklor* [Ritual and Folklore]. Leningrad: Nauka, 1991, 207 pp. (In Russian).

- Kormina Zh. V., *Provody v armiyu v poreformennoy Rossii. Opyt etnograficheskogo analiza* [Sendoff to the Army in Post-Reform Russia. An Attempt at Ethnographic Analysis]. Moscow: New Literary Review, 2005, 376 pp. (In Russian).
- Nikitina S. E., *Chelovek i sotsium v narodnykh konfessionalnykh tekstakh (leksikograficheskiy aspekt)* [Person and Society in Folk Confessional Texts (Lexicographic Aspect)]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS, 2009, 353 pp. (In Russian).
- Sedakova O. A., 'Materialy k opisaniyu poleskogo pogrebalnogo obryada' [Materials on the Description of Polesie Funeral Rites], *Polesskiy etnolingvisticheskiy sbornik* [Polesie Ethnolinguistic Digest]. Moscow: Nauka, 1983, pp. 246–262. (In Russian).
- Tarasova E., 'O smolenskikh prichitaniyakh' [On Smolensk Lamentations], *Materialy XXVII nauchnoy studencheskoy konferentsii. T. 1: Literaturovedenie. Lingvistika* [Materials of XXVII Student Scientific Conference. Vol. 1. Literary Studies. Linguistics]. Tartu: Tartu University Press, 1972, p. 14. (In Russian).
- Tolstaya S. M., 'Semanticheskaya model karitivnosti' [Semantic Model of Caritiveness], *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshch斯拉vianskoy perspektive* [Space of the Word. Lexical Semantics in Common Slavic Perspective]. Moscow: Indrik, 2008, pp. 50–98. (In Russian).
- Tolstaya S. M., 'Zametki o yazyke severnorusskikh prichitaniy' [Notes on the Language of North Russian Lamentations], *Yazyk i proshloe naroda* [Language and Past of the Nation]. Ekaterinburg: Ural University Press, 2012, pp. 464–475. (In Russian).